

не будет прыгания туда-сюда, поездки на другой конец земли будут не увеселительные, а рабочие, вообще меньше будет чада, шума...

Мне кажется, это будет очень хорошее и плодотворное время.

— Я хотел бы надеяться вместе с вами. А теперь...

Опровержение слухов

— Правда ли, что в «Аквариуме» распространена наркомания?

— Неправда. Во-первых, хороших наркотиков здесь не достанешь, а во-вторых, это превращает в овощ. Лишает возможности работать. А кайф от работы — будь то живопись, песни, концерты — значительно сильнее. Пить — это да, раньше мы пили больше, сейчас меньше.

— Что за объединение «Братки», которое возглавите вы и «Аквариум»?

— Это полнейшая ересь, никаких «Братков» я не знаю, мы существуем всегда сами по себе. Нас из рок-клуба и то много раз выгоняли.

— Вы окончили университет?

— Да, по специальности «прикладная математика». Но я никогда ничего в компьютерах не понимал. Отец мой — инженер, мать — юрист, потом модельер, сейчас социолог. Наши песни ей нравятся.

— Вы работали когда-то на сборе цитрусовых?

— Никогда. Самая экзотическая моя профессия была ходить по лесу под Ленинградом. Я работал с экспедицией, отмечал краской какие-то деревья...

— Что вы думаете о последних фильмах С. Соловьева?

— Я люблю его и верю ему. Хотя и к «Ассе», и к «Розам» отношусь двойственно. «Розы» люблю больше. Там очень чистый герой...

— И несимпатичный.

— Да, но добро часто несимпатично... Там есть и фарс, и кич — то ли чтобы до всех дошло, то ли просто ему так надо, но интуиция Соловьеву, по-моему, не изменяет. Мы и третий фильм сейчас начали делать — «Дом под звездным небом». Это будет очень страшная вещь, я прочел сценарий и разревелся...

— А как вы относитесь к танцам на портрете Брежнева на премьере «Ассы»?

— Это что, было?! Ну, это типичные московские пережиги... Танцевать на чьем-то лице нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Когда выйдет ваша новая пластинка?

— На ней будут песни из «Роз», а еще, благо была студия, мы записали несколько вещей последних лет, в том числе и «Поезд в огне». Фирма «Мелодия» настолько непрофессиональна, что не умеет сама себе деньги сделать, и когда выйдет диск — неизвестно. Готов он уже довольно давно.

— Вы скоро — опять в Штаты?

— В Штаты я теперь долго не поеду. Весной ненадолго, может быть, в Англию, а так все время здесь.

— Для какой аудитории вы играете?

— Священник, выходя к людям, об аудитории не думает — он просто таким образом служит богу. Вот и «Аквариум» — мы никого не хотим обращать в свою веру, а просто играем для тех, кто нас слушает.

— Какие группы вы любите? Что читаете?

— Слушаю Тома Петти, американскую группу «Грэвеллинг вилбуризм», где играют в числе прочих Дилан и Харрисон... Из советских групп я люблю «Наутилус Помпилиус». Они мне очень интересны, хоть это и более жесткая группа, чем мы. Читаю я... Сейчас посмотрю на полку. Вижу много книг по магии, Книгу перемен, китайских классиков, есть книги по православию. Художественной литературы я почти не читаю.

— Вы семь лет назад провозгласили: «Рок-н-ролл мертв...»

— Свою функцию он выполнил. Он уничтожил барьер между культурой и цивилизацией, он снова сделал культуру модной. В Штатах даже считают, что культура началась с 30-х годов, а все, что было раньше, не то...

— А вы?

— Нет, я ощущаю себя в контексте предыдущих десяти тысяч лет человеческой истории.

— Как долго вы еще собираетесь играть?

— Пока это будет доставлять нам счастье. Как сейчас.

От автора.

От него выходишь, веря ему во всем, и презрительно пропускаешь мимо ушей разговоры о том, что, мол, «кросит» он под пророка и все это поза. Сейчас думаю: как же это — так жить в нашем мире? Не станет ли БГ похож на собственного героя, мальчика Евграфа, который был сторонником гуманных идей и не знал, что в мире есть столько ужасно одетых людей? Как улыбаться и благодарить в ЭТОМ транспорте, в ЭТОМ безумии? Как в ЭТО время песни писать?

И тут понимаю: а ведь хватит только о колбасе. Хватит только о Сталине. Хватит только о том, что на каждом шагу. От этого легче не станет. Пора — о другом, что никогда не меняется и никуда не девается. «Время Луны». «Под небом голубым». В этом голосе — надежда. Что-то не утрачено нами, пока БГ здесь.

Я мало о чем так мечтаю, как о том, чтобы десять лет спустя были живы мы все. И все, что нам дорого. И чтобы я, тогда тридцатидвухлетний, нашел БГ в неизменном Ленинграде и застал его в тельняшке рисующим картину.

— Что, БГ, — спрошу я его, — вот и позади деревенские девяностые. Все так и было. А теперь?

Дмитрий Быков.